

Блестящий критик-боец, публицист, педагог, милостью Божией, доктор наук, академик, выдающийся филолог и медиавед, на высоком уровне представлявший за рубежом лучшие научные силы России... Талантлив во всем? Да. (И нет. В защите частного пространства – скорее нет. Ведь сколько сил потрачено им на помощь сотням самых разных... Прости нас, Юрий Матвеевич).

Ему посвящали восторженные стихи, колонки, эссе, о его наследии уже пишут и будут писать яркие труды. А сейчас – об одной из его книг, неподражаемой и, надеемся, долговечной. «Ностальгическими дорожками» – этот сборник о путешествиях с 2015-го выдержал три издания, отклики о самых разных его черточках длятся не один год. В нем приоткрываются тайны великой души.

Очарованная душа – это о нем. Тем более значимо, что естественно переплеталось с зорким, беспристрастным оком, с житейской мудростью.

В свежей неподражаемой палитре Георгия Соловьева очарованьем пронизаны тайны профессии; и понимаешь, наверное, нескольких вселенных; и глубинные ясные ощущения...

Таково очарованье России в книге, где описано...зарубежье. Где заметнейшее достоинство – панорама иноземной Европы, Америки, Африки, Азии, причем даже на австралийском пограничье.

Диковинные пейзажи, нравы, поразительные памятники культуры – самоценны. Но под нереально точным волшебным пером они высвечивают и прелесть России. Дальние края, быть может, впервые в столь емких травелогах становятся интереснее именно в пространстве очарования Родиной. И она предстает у Соловьева в чем-то ярче, нежели в самых проникновенных строках иных достойных авторов на материале российских впечатлений.

Эти открытия многогранны. Проста и удивительна

черногорская картинка, ее восприятие неотделимо от ассоциаций с... нашим Горячим Ключом. «Черное озеро, как оказалось, находится в считанных километрах от каньона Тары, но уже в другом природном обрамлении горных лугов, скалистых вершин и густых, практически «черных» лесов Национального парка Дурмитор. Вначале путь к озеру мне сильно напоминал ландшафты родного душе каждого кубанца Горячего Ключа. Даже закралась в голову крамольная мысль – стоило ехать в Черногорию, чтобы оказаться в лесу предгорья Кубани... Но это ощущение моментально улетучилось, как только после очередного поворота дорожки, по которой мы шагали, открылось оно. Черное озеро».

Любимый кубанский образ улетучился – и... остался. Таков охват полюсов, бескрайность смысла, светлая амбивалентность, манящая читателя все глубже! (Эта стремительная всеобозримость покоряла и в общении с Георгием-Юрием-Смолиным-Соловьевым). И так органично отношение к России в этом ряду: «...если на Западе донны бытует страшилка: «Русские идут!», то в Черногории вам приветливо скажут: «Ласкаво просимо! Добро дошли».

А воедино с такой глубиной – совсем простые аналогии: «О муниципальных универмагах системы Metzand C° или Dreesman можно сказать, что они очень смахивают уровнем товара на наши краснодарские «бутики», но считаются дешевыми». Краснодарские «точки» – словно точки отсчета, придающие необходимую достоверность.

Российские, славянские мотивы – не только в картинках, но и в деталях манеры письма; касаясь арабского названия, Юрий Матвеевич замечает: «Я по-прежнему не ввожу транскрипцию арабской вязью, бо не умею; а писать названия латиницей ничуть не лучше, чем кириллицей». Это – верная

установка мудрого филолога для любого русского ученого-популяризатора.

Но именно имена – особо ясный знак авторского взгляда. Горизонт обзора широк. У Соловьева всегда познавателен момент иронии, даже еле уловимый, как последние строки такого отрывка:

«Можно до бесконечности рассказывать о великолепном Рейк-мьюзеуме (Rijksmuseum), где у рембрандтовского «Ночного дозора» люди застывают в замороженном смирении, как еще не столь давно мы в ленинском Мавзолее».

А чаще – поразительное возвышение русского образа, тем более явное, что – в ряду с иными, как ниже Максимилиан Волошин рядом с Джорджем Гордоном Ноэлем:

«Возле традиционного для голландских городов канала вдруг читаю на стене дома огромными буквами по-русски:

О, фиолетовые грозы

Вы – тень алмазной белизны!

Две аметистовые Розы

Сияют с горной вышины,

Дымится кровь огнем багровым,

Рябины рдеют винных лоз,

Но я молюсь лучам лиловым,

Пронзившим сердце вечных Роз.

Макс Волошин...

А рядом, на стене другого дома, – строки из Байрона...»

Повседневность дороги русский остается собой за рубежом – и в упоминании таких разных имен, включая имя пространства: от музыканта Вячеслава Бутусова до телекудесника Леонида Якубовича, от кубанских городов до вечных образов и цитат из культовых отечественных фильмов – цитат, в которых тоже светит вечность:

«Впереди – бескрайность Атлантики, за которой где-то там американский континент... Почему-то при этом вспомнился Бутусов с его протяжно-но-стальгической песней: «Гуд бай, Америка!.. Мне стали слишком малы твои тертые джинсы...»;

«Ахмед, как Якубович на «Поле чудес», хитро

щурится и говорит: «Так и не так. Троглодит – это пещерный человек, да-да. И в современном Тунисе есть небольшое поселение, где люди до сих пор живут в скальных домиках. Скоро-скоро будем туда подъезжать и смотреть»;

«Понаблюдать за водными плясками многочисленной рыбы (я, кстати, подобное зрелище буйства рыбы наблюдал только в специальной промысловой заводи в Приморско-Ахтарске). «Ну, что дальше-то, Маша? Дальше покорять тайны старого Лиссабона пойдём или на сегодня хватит?», – интересуюсь у жены...»;

«Начну вот с чего. В одном из интернетовских сабжей мне в память легли строки: «Не побывать в Карлштейне – это все равно, что приехать в Прагу и не побывать на Староместской или Вацлавской площади... не пройтись по Карлову мосту или не заглянуть в «У Швейка», не посмотреть на Орлой и не попробовать чешского пива со свиным коленом». Поэтому на встречу с замком Карлштейн (Hrad Karlštejn) я стремился как Наташа Ростова на свой первый бал – с неровным дыханием и ожиданием чуда. ...И вот он уже брезжит своими контурами, возвышаясь над вершиной горы... «Екарный бабай, это ж сколько до него топать еще!..» – выводит меня из сладкой дремы грез голос Саши. На это остается лишь ответить цитатой из кинофильма: «Дорога к Храму не бывает легкой...».

Вообще цитаты, особенно преображенные, – прямо-таки способ познания, сильный еще и потому, что – попутный, по дороге:

«Закон в Тайланде таков, что если тайцы не хотят или не могут съехать из старого жилища в лучшее, ну, значит, никто и не имеет права их выселить... Да, умом Азию не понять, аршином русским не измерить!..»

Автор всегда одним штрихом творит характер. Так оживает нижеупомянутый незабываемый кубинец, знающий Кубань, казачество. И для него, далеко не простого, тоже значимо упоминание имен российских пространств: «У кинооператора Карлоса был профессионально внимательный взгляд (почти такой же, как у одного моего краснодарского знакомого, который служит в организации, лишь

косвенно связанной с киноvideопроизводством) и он поразительно много знал не только о России, но и о Кубани. Например, в завязавшемся со мной разговоре он упомянул не только о политике казачьего движения, но и охарактеризовал географические приоритеты населенных пунктов между Краснодаром и будущей олимпийской столицей Сочи. Что и говорить, всегда приятно пообщаться со столь эрудированным человеком! Почти искренне, а не только для того чтобы доставить ему удовольствие, в ответ я поделился своими симпатиями по отношению к Раулю Кастро и Уго Чавесу».

Именно сквозная ирония укрепляет совсем иную ноту – драматичную, когда речь – об истинных святынях. Так неповторимо увязаны сакральные мотивы Чехии и имя Пушкина:

«В конце XVII века на мосту была создана удивительная скульптурная галерея, изображающая тридцать главных святых Чехии. Самая старая и, пожалуй, самая популярная из них – статуя мученика Яна Непомуцкого (Jan Nepomucký). Наш сегодняшний гид – веселушка Зденка – рассказала, что согласно поверью статуя Яна Непомуцкого исполняет желания, если загадать их, прикоснувшись к основанию изваяния. «Только zelанье должно быть сбыточно, Ян-мученик не Золотая рыбка у русского поэта Пушкин...», – предупреждает она. Маша согласно кивает головой и прикасается к отшлифованной до блеска тысячами рук бронзе памятника. Не знаю как Яну Непомуцкому, а мне очень хочется в этот момент, чтобы у моего любимого человечка сбылось все, что она желает».

В том же ключе – спасение русскими святынь православного мира: «Как пояснил Бронислав, Десница Иоанна Крестителя сначала хранилась у евангелиста Луки, затем в Константинополе в храме Святой Софии, затем турки отправили ее на остров Родос, где к тому времени уже находилась и частица Креста Господня. Затем эти реликвии перекочевали на Мальту и находились там до конца XVII века, затем в Россию, где были переданы императору Павлу I. Они какое-то время хранились в Зимнем Дворце. Перед началом октябрьского переворота 1917 года святыни удалось вывезти в Эстонию, где их хранила ца-

рица-мать Мария Федоровна. Она увезла святыни в Копенгаген, а перед смертью передала их митрополиту Антонию, который сначала их поместил в Берлине в православном храме, а затем увез в Сербию».

В авторском мире многогранно достоверна святость поздних, не столь давних образов, великих событий – как в описании прославленных чешских Градчан:

«Когда вышли из монастыря, нас ждала еще одна неожиданность – советская солдатская могила, где покоится красноармеец Беляков, погибший в 1945 году при освобождении Праги (выделено автором, Георгием Матвеевичем Соловьевым. – И. Т.)

Предание гласит, что он попросил перед смертью похоронить его здесь, чтобы всегда слышать колокольный звон Лоретанского монастыря. Вообще советское в Чехии, мягко говоря, недолюбливают. Но вот за этой могилкой красноармейца ухаживают, цветы приносят».

Будь это один-единственный российский мотив в книге – его хватило, чтоб почувствовать очарованную душу Родины.

...Обычно путешествие – досуг. И словно об этой книге – мысль, восходящая к Эпикуру: досуг таланта поучительнее, чем надрыв бездари. Дар автора – Талант трудяги-эпикурейца. Тем более что поразительно легкий слог энциклопедиста – отчасти и следствие этого досуга, и резон его...и мотив жизни-дороги. А потому в картинках, открытых читателю Юрием Матвеевичем, схвачено единство бытия. В том числе – органика патриотизма!

Земная жизнь Г. М. Соловьева, кажется, могла продлиться, но... (Прости, Юрий Матвеевич).

...Но столь мощным было духовное бытие Георгия, победы его над недугом так значимы, излучение доброй силы до того органично, что аура Соловьева жива и крепка. Очарованная жизнь продолжается. ■